

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-68-81

УДК 130.133

СИМУЛЯКР СИСТЕМЫ И СИСТЕМНЫЕ ИНВЕРСИИ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич,

доктор философских наук,

доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом

Новосибирского государственного аграрного университета,

Россия, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Аннотация

В статье рассматривается одно из частных применений понятия «симулякр». Показано, при каких обстоятельствах возникла потребность в использовании этого понятия. В данном случае симулякр представлен как форма упрощенного и искаженного восприятия системных объектов. Основной формой системной организации является иерархия. Иерархические системы обладают свойством формирования инверсивных отношений. Инверсия возникает, когда подчиненный элемент иерархии приобретает в ней главенствующие свойства, но не перемещается на более высокую позицию. Такие отношения возможны вследствие того, что в системе действует несколько организационных принципов, и эти принципы вступают в противоречие между собой. Искаженное восприятие иерархических систем возникает, когда инверсивные отношения игнорируются. В результате формируется образ системы, далекий от реальности, т. е. симулякр. Со временем данный образ становится всё менее реалистичным, поскольку в реальной системе происходят изменения, вызванные развитием инверсий. Инверсии составляют причину внутрисистемной динамики; они способны привести системный объект к распаду и разрушению. Они же при определенных обстоятельствах способствуют и саморазвитию системы. Однако если рассматривать только симулякр данной системы, то эта способность к саморазрушению остается незамеченной. Остается нераспознанной и способность системы к саморазвитию. В статье показано, что понятие «симулякр» стало актуальным в результате инверсии в иерархической системе человеческой активности. Подчиненный уровень активности, отвечающий за предметные действия, выходит на первый план по причине нарастающей технической оснащенности человеческой деятельности. Высший, символический уровень активности переходит в подчиненное положение. Уровень активности, отвечающий за предметные действия, оперирует также знаками и отвечает за использование языка как знаковой

системы. Отсюда и потребность в понятии «симулякр», которое есть «означающее без означаемого».

Ключевые слова: система, иерархия, инверсия, симулякр, знак, символ.

Библиографическое описание для цитирования:

Севостьянов Д.А. Симулякр системы и системные инверсии // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 68–81. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-68-81.

Введение

Формирование культурной реальности (в широком смысле этого слова) в настоящее время происходит в своеобразных, изменившихся условиях, связанных с переживаемым этапом научно-технического и социального развития. Данный процесс полон противоречий, и чтобы в какой-то мере раскрыть их суть, необходимо обратиться к анализу получившего ныне распространение понятия «симулякр». Рассмотрим один из аспектов этого понятия, в частности, применительно к восприятию системных объектов.

Известно, что всякое целенаправленное действие с необходимостью должно сопровождаться адекватным восприятием объекта, с которым это действие будет производиться. Каждое практическое проявление активности сопровождается обратной связью от сенсорных систем. Однако наше восприятие порой несовершенно, и зачастую отражение достаточно сложного (системного) объекта, доступное нашему сознанию, не соответствует подлинным свойствам такого объекта. Осознание данного явления отчасти и послужило причиной того, что в научный оборот было введено понятие «симулякр».

Суть симулякра

«Симулякр» есть термин для обозначения некоторой «точной копии», применительно к которой отсутствует оригинал, копии, не соотносимой и не соотнесенной с какой-либо реальностью. Известно, что это понятие было сформулировано Ж. Батаем (G. Bataille), получило дальнейшую проработку в трудах П. Клоссовски (P. Klossowski), А. Кожева (A. Kojève), Ж. Бодрийяра (J. Baudrillard), Ж. Делёза (G. Deleuze) и широко используется в современной философской литературе. В частности, когнитивная модель некоторого реально существующего объекта, имеющая неопределенный логико-гносеологический статус (как, например, модель Вселенной), может рассматриваться как симулякр [6]. Однако реальная сфера применения понятия «симулякр» до настоящего времени определена явно недостаточно. Это в том числе зависит от имплицитных особенностей самого этого понятия, поскольку представленное в симулякре несоответствие

реальности есть образец негативного знания, ценность которого по определению не особенно велика. К тому же толкование его часто затемняется стилем изложения, присущим многим образцам философской литературы постмодерна. Ни для кого не секрет, что этот установившийся стиль присущ скорее эссеистике, нежели собственно научной литературе. Во всяком случае, логическая последовательность изложения, а также строгость и однозначность определений такому стилю решительно чужды. Анализируя подобные источники, зачастую приходится иметь дело в основном с авторским «потокосознанием», который и становится объектом дальнейших герменевтических изысканий. В связи с этим необходимо разъяснить некоторые моменты, позволяющие более полно оценить действительное место понятия «симулякр» в современном философском дискурсе.

Исходя из анализа источников, в которых разрабатывалось это понятие, и особенно работы Ж. Бодрийера «Симулякры и симуляция» [2], можно утверждать, что симулякром становится когнитивный конструкт, возникающий при последовательном продвижении некоторой неадекватной модели реально существующего объекта, причем неадекватность этой модели только возрастает со временем, по мере того как в рассматриваемом объекте происходят изменения, обусловленные развитием либо деградацией. Исходя из этого симулякр – это своего рода сфотографированное отражение в кривом зеркале, при том что такое кривое зеркало создаем мы сами, полагая при этом, что именно отраженная в таком кривом зеркале реальность становится более доступной для нашего понимания. Кроме того (если продолжить эту аналогию), зеркало после фотографирования оказывается разбитым, так что отражавшийся объект изменяется подобно протеканию его собственного жизненного цикла, а искаженное (и сохраненное лишь на фотографии) отражение его остается неизменным, зафиксированным. Востребованной же такая форма отражения оказывается потому, что действительная, достоверная и полная копия объекта, представленная в виде неискаженного и полного отражения, по какой-либо причине (например, вследствие повышенной сложности) не была бы столь доступна нашему восприятию, как некоторая упрощенная и видоизмененная и вдобавок статичная «копия копии».

Становление симулякра

Симулякр, если следовать представлениям Ж. Бодрийера, проходит несколько этапов становления, которые характеризуются всё большим отрывом от картины реальности, уходом от нее в чистую симуляцию. Так, первый такой этап состоит в отражении базовой реальности (здесь пока еще речь идет о знаке, отражающем действительные отношения в рамках реального объекта, как это и делает, например, фотография).

На втором этапе происходит искажение реальности или ее маскировка (сущностные следы реальности в представленном изображении ее всё равно остаются, но картина в целом прежней реальности уже не соответствует). Третий этап знаменует собой представление реальности, которая в действительности отсутствует (более нет модели, которой бы представленная картина соответствовала, ибо реальность, изменившись, уже не тождественна самой себе прежней); здесь уже можно видеть собственно симулякр. И наконец, на четвертом этапе знак уже и не претендует на отображение какой-либо реальности, поскольку отображает лишь другой знак, в свою очередь (вероятно) отображающий нечто.

При первоначальном взгляде на это понятие может создаться впечатление, что симулякры в воспринимаемой нами картине мира составляют некоторую экзотику, поскольку основная масса применяемых нами когнитивных конструктов как будто вполне адекватна отражаемым в них объектам. В противном случае мы не смогли бы ни адаптироваться в окружающем нас мире, ни конструктивно изменять его, а мы (как представляется) в основном вполне успешно с этими задачами справляемся. Это действительно так, пока сами объекты, воспринимаемые нами, отличаются относительной простотой. Но если такой воспринимаемый объект представляет собой полноценную систему, велика опасность, что построенный нами образ данного объекта составляет результат некоторых упрощений, так или иначе удаляющих нас от его подлинной картины. Иначе говоря, в нашем сознании снова и снова формируется очередной симулякр. Упрощения же затрагивают в первую очередь те возможности, которые позволяют рассматриваемому объекту претерпевать внутреннюю динамику, развиваться и изменяться.

Симулякр, иерархия и инверсия

Обратимся к основным свойствам системных объектов. Наиболее значимым типом системной организации, как известно, является иерархия. Все другие формы системной организации, нередко упоминающиеся в современной литературе (такие как холархия, гетерархия, адхократия), являются производными от иерархической формы и не исключают наличия собственно иерархических отношений. Но и чисто иерархические системы далеко не всегда остаются «правильно» организованными.

Иерархическим системам присуща способность к формированию инверсивных отношений (системных инверсий). Системной инверсией здесь и далее будет именоваться форма отношений в иерархии, при которой некоторый низший, подчиненный иерархический элемент приобретает в данной иерархии главенствующее значение, не покидая при этом своей невысокой иерархической позиции; иными словами, возникает противо-

речие между формальным местом элемента в иерархии и его фактической ролью в ней. Отношения в иерархии, при которых системные инверсии отсутствуют (то есть исходные, базовые иерархические отношения, не обремененные указанными противоречиями), будут далее именоваться отношениями ордера. Разрешение инверсий может происходить разными путями: упразднением определенного организационного принципа; выведением из системы «возмущающего» элемента; реальным перемещением этого элемента на ту позицию, на которую он отныне может претендовать; наконец, разрушением системы, в которой инверсии получили значительное развитие [10].

Каким же образом возникают системные инверсии? Иерархическое положение элементов в системе определяется действием некоторых присущих данной системе организационных принципов, причем набор таких принципов определяется особенностями самой системы (а точнее сказать, именно от него и зависят эти особенности). Например, если взаимное положение элементов определяется их величиной (или иной количественной характеристикой), то следует отметить, что в данной системе действует количественный организационный принцип. Если в иерархической системе, согласно действующим в ней отношениям, главенствует наиболее старый (раньше других появившийся) элемент, то здесь проявляется действие хронологического организационного принципа и т. д. Возникновение инверсивных отношений в иерархических системах становится возможным именно благодаря тому, что в сложных иерархиях действует несколько организационных принципов одновременно. В результате весьма часто случается так, что действие одного организационного принципа начинает противоречить действию другого. Так, например, социальный статус человека в обществе зависит от многих факторов: от его материального достатка (имущественный организационный принцип, одно из частных проявлений более общего количественного принципа), от его рода деятельности (является ли он руководителем или исполнителем, здесь действует функциональный организационный принцип), наконец, от образовательного уровня данного лица (тут имеет место образовательный организационный принцип). Разумеется, действие этих трех принципов является в значительной мере сцепленным: лицо, занимающее руководящий пост, имеет, как правило, и соответствующее образование, и материальный достаток, превышающий средний в данной социальной группе. Однако это не исключает возможности, что не меньший достаток будет у востребованного специалиста, который никем не руководит, а осуществляет чисто исполнительскую деятельность. Возможно также, что человек с достаточно высоким уровнем образования окажется без работы и не будет занимать сколько-нибудь значимой

позиции в соответствии с имущественным или функциональным организационным принципом. Если такое явление станет достаточно массовым, в этом случае можно будет говорить о наличии системной инверсии. А ведь представленный здесь перечень организационных принципов в социальной иерархии отнюдь не является исчерпывающим, и потому ситуаций, при которых один организационный принцип противоречит другому, может быть выявлено множество. Такое состояние применительно к социальным иерархиям американский социолог Джерард Ленски (Gerhard Lenski) обозначал как статусную рассогласованность (в противоположность статусной кристаллизации, когда таких статусных рассогласований нет) [5]. Здесь следует добавить, что значимость разных организационных принципов в иерархической системе неодинакова, в результате чего они также совместно образуют иерархию (т. е. иерархию второго порядка), и от соотношения значимости конфликтующих организационных принципов зависит, насколько важна для системы в целом развившаяся системная инверсия. Наличие инверсий в системе означает напряженность внутренних противоречий, так или иначе способных привести данную систему к разрушению (которое, как правило, происходит в условиях взаимодействия с конкурирующими системами); однако наличие противоречий составляет также необходимое условие для того, чтобы система вообще совершала некоторые изменения, в том числе и движения в поступательном развитии. Вместе с тем если ориентироваться только на идеализированный (и предельно искаженный) сконструированный образ данной системы, представляющий собой симулякр, то данные системные особенности останутся незамеченными. Соответственно, глубоко ошибочным станет и прогноз, касающийся будущего данной системы.

Реально существующие сложные иерархические системы (то есть такие системы, в которых действует более одного организационного принципа) чаще всего пронизаны инверсивными отношениями снизу доверху, и эти отношения, согласно выражению М.К. Мамардашвили, составляют своего рода «пучки детерминации» [7]. Это касается, в частности, таких важнейших для нас систем, как «человек» и «общество». Выявление и учет данных инверсий представляет собой весьма сложную задачу, однако только решив ее, мы можем сформировать более или менее релевантную когнитивную модель той или иной сложной системы. В противном случае (если мы учитываем одни только отношения ордера, а системные инверсии оставляем без внимания) мы можем получить только симулякр, или «точную копию» такой системы, которая в действительности никогда не существовала и существовать не могла. В реальных, «живых» системах присутствуют инверсивные отношения; в полученном таким образом симулякре их нет.

Ситуация усугубляется еще и тем, что именно наличие системных инверсий в иерархии создает для нее возможность изменений, развития, словом, прохождения ее собственной индивидуальной истории.

Разумеется, нельзя сказать, что восприятие системных объектов ввиду тотального игнорирования инверсивных отношений непременно порождает симулякры. Однако уже сам факт того, что до последнего времени системные инверсии почти не рассматривались как особый, специально выделенный тип отношений в действительно существующих (не умозрительных) иерархиях, свидетельствует о многом.

Само понятие системных инверсий в том контексте, в котором оно употребляется здесь, по-видимому, впервые появилось в работах основоположника структурной антропологии Клода Леви-Строса (Claude Lévi-Strauss) [4]. Инверсии Леви-Строс рассматривал, в частности, в структуре мифа. Однако этот именитый автор использовал это понятие, что называется, в готовом виде, как нечто не подлежащее дальнейшему обсуждению; тем более его не интересовали результаты развития инверсий и возможные последствия игнорирования роли инверсий.

Определяя сейчас роль симулякров в познании системных объектов, следует обратить внимание на существенное различие между составлением образа или когнитивной модели ныне существующей (естественно сформировавшейся) системы, с одной стороны, и искусственной (искусственно создаваемой) системы, которую еще только предстоит сформировать, — с другой. Необходимо помнить, что практическое применение системного подхода затрагивает в большей мере именно искусственные системы, поскольку исторически разработка системного подхода велась главным образом в интересах социально-производственной и военной сферы.

Когда осуществляется анализ уже существующих систем (в том числе и биологических, и социальных систем, и даже более или менее стихийно сформировавшихся систем управления), худо или бедно инверсивные отношения всё-таки выявляются; часто это происходит за пределами системного подхода, когда выявление системных инверсий, что называется, «там или здесь» сводится к обозначению подобных отношений как нагромождения некоторых частных. В действительности мы имеем дело здесь не с частностями как таковыми, а лишь с частными проявлениями общесистемной закономерности, которая и выражается в способности иерархических систем к формированию инверсивных отношений. Но даже и не осознавая системной природы инверсий, можно более или менее адекватно воспринять их роль в каждом конкретном случае.

И вот, в зависимости от того, в какой именно системе выявляются инверсивные отношения, они получают разные наименования. Это может быть упоминавшаяся уже ранее статусная рассогласованность, которая выявляет-

ся в социальных иерархиях (когда одно значимое свойство субъекта удерживает его в низшей социальной позиции, другое же дает ему основание претендовать на большее). Это может быть манипуляция, когда в управленческой иерархии подчиненный предпринимает попытки фактически управлять собственным начальником, например, подсовывая ему некоторую тенденциозно поданную информацию [9]. Это может быть так называемый эффект обмена ролями, проявляющийся также в системе управления, когда подчиненный субъект «делает первый ход» и тем самым берет на себя инициативу [8, с. 41–44]. Применительно к системе «организм» системные инверсии проявляются, например, в обратном действии защитных механизмов, способных, если не пресечь их проявления, убить или искалечить живое существо, которое они, в принципе, и призваны защищать. Подобное же действие приобретают психологические защитные механизмы в системе «личность»: искажая восприятие реальности, они делают эту картину реальности более приемлемой и комфортной для индивида (то есть фактически способствуют созданию симулякра этой реальности, который оказывается субъективно более предпочтительным, нежели сама реальность). Последнее дает возможность не замечать проблем, которые в действительности никуда не исчезли и могут оказаться губительными для данного субъекта [3]. Всё это множество частных проявлений системных инверсий (а здесь перечислены далеко не все такие проявления) так или иначе всё-таки становится объектом исследовательского внимания, даже и вне системного подхода.

Применительно же к искусственным системам проявления инверсий приобретают особое значение. Такая система осознанно проектируется, ее образ создается заранее; и вот, в результате того, что этот сконструированный образ имеет все черты симулякра, сформированная по его лекалам система функционирует затем вовсе не так, как планировали ее создатели. Как правило, никто осознанно не закладывает в проект формируемой искусственной системы тех противоречий, которые, вероятно, впоследствии станут фатальными для нее. Но противоречия проявляются в форме системных инверсий, и проявляются они, что называется, сами, не спрашивая чьего-либо согласия. Например, подобной искусственной системой может быть названа модель советского социализма, которая была разрушена под влиянием развившихся в ней внутренних противоречий (хотя и не без внешнего воздействия, как это обыкновенно и бывает при взаимодействии конкурирующих систем).

Симулякр и человеческая активность

Примечательно, что само обособление понятия «симулякр» тесно связано с ментальной картиной, обусловленной развитием инверсивных отношений в ныне действующей системе человеческой активности. Данная

система представляет собой иерархию, включающую в себя все проявления активности: от наиболее примитивных (унаследованных от отдаленных эволюционных предков) и до наиболее сложных, новоприобретенных и уже собственно человеческих. Подробная проработка данной системы представлена в работах выдающегося отечественного нейрофизиолога и биомеханика Н.А. Бернштейна [1]. Безусловно, его огромной научной заслугой было уже само выделение соподчиненных иерархических уровней, составляющих систему человеческой активности; однако представленная этим автором модель, при всей ее проработанности и при всей глубине сопровождающих ее философских обобщений, фактически остается симулякр. Она не содержит упоминаний об инверсивных отношениях, а ориентирована на одни только отношения ордера. В действительности же система человеческой активности сплошь снизу доверху пронизана инверсивными связями. Эти инверсии, среди прочего, являются и мощным индивидуализирующим фактором, позволяющим отличать системы активности отдельных людей друг от друга. Не будь инверсий в системе человеческой активности, различия между индивидуумами заключались бы только в степени освоенности тех или иных моторных навыков низшего либо высшего порядка, и это превращало бы живого человека в некоторое подобие моторного робота, хорошо или плохо запрограммированного.

Рассматривая систему человеческой активности в максимально упрощенной форме, можно отметить, что высший ее уровень (присущий только людям, но не их эволюционным предшественникам) обеспечивает операции с символами, то есть образами объектов, наделенными некоторыми особыми свойствами; это делает каждый такой образ означающим, привязанным к определенному означаемому. Символический мир составляет то, что принято относить к идеальной сфере человеческого бытия. Творческая деятельность во всех ее проявлениях непрерывно пополняет коллективное содержание данного уровня человеческой активности.

Предшествующим по отношению к символическому уровню в иерархии человеческой активности, согласно концепции Н.А. Бернштейна, является уровень предметных действий (также чисто человеческий и у наших животных предков не представленный). Этот уровень обеспечивает, как следует из его наименования, операции с предметами, с орудиями труда, а кроме того, операции со знаками, которые, в отличие от символов, не обладают собственным суверенным бытием и представляют собой набор «чистых» означающих. Его подчиненное положение обусловлено (вернее, до последнего времени было обусловлено) рядом согласованно действующих организационных принципов. Однако на протяжении нескольких последних десятилетий в иерархической системе человеческой активнос-

сти сформировалась важнейшая инверсия, в результате которой уровень предметных действий, всецело подчиненный ранее символическому уровню, получил основание претендовать на первое место в данной иерархии – и фактически в результате разрешения данной инверсии уже перемещается на эту высшую позицию. На практике это связано с нарастающим технологическим оснащением труда и быта, в результате чего применяемые орудия труда по своей сложности догнали и превзошли коллективное содержание символического уровня (наиболее наглядно это проявилось в распространении электронных гаджетов – как на производстве, так и в быту). В философском дискурсе эта тенденция получила конкретное выражение в рамках так называемого лингвистического поворота в философии (*linguistic turn*) [11], при котором язык (будучи – как инструмент и общения, и мышления – вотчиной уровня предметных действий) выводится в философском дискурсе на первый план. Очевидно, что разрешение данной инверсии и связано с фактическим перемещением уровня предметных действий на главенствующие позиции в структуре человеческой активности, вследствие чего праксис уже теперь приобретает явственный приоритет над гнозисом.

Однако данная инверсия возникла не только вследствие того, что выросло содержательное наполнение уровня предметных действий, но и по причине определенного насыщения символического уровня человеческой активности, которое и принято связывать с наступлением эпохи постмодерна. Если изначально формирование символического уровня было связано главным образом с реальными взаимодействиями человека с природой и с обществом, то в культурной практике постмодерна новые пласты культурной реальности формируются в основном из аллюзий к ранее созданному символическому содержанию. В художественной культуре, в которой сосредоточено острое развития активности человека, можно наблюдать практически повсеместный отказ от создания новых сюжетов, зато преобладают повторы и перепевы старых. С того момента, когда созданная человеком культурная реальность достигла таких размеров, что перестала уместиться в чьей бы то ни было индивидуальной памяти, это повторение найденного и пройденного стало уже повсеместным правилом. Именно такая ситуация стала причиной появления самого понятия «симулякр»: в ней и коренится форма отношений знака, который есть означающее не для исходного означаемого, а для другого означающего (или для неизвестного нам количества следующих друг за другом означающих).

Таким образом, можно констатировать, что применительно к восприятию какой-либо системы симулякр в одном из важнейших своих проявлений может быть обозначен как некоторый идеализированный образ реальной системы, не соответствующий ее реальной природе ни в момент

составления этой идеализации, ни тем более потом, когда в данной системе происходят изменения, не предусмотренные в снятой с нее модели. Это, однако, не исчерпывает все проявления симулякров, ибо они способны не только возникать в результате действия когнитивных закономерностей, но и могут создаваться вполне осознанно и намеренно (на что указывал и Ж. Бодрийяр). Например, нарисованный или искусственно сфабрикованный на компьютере портрет человека, который никогда не существовал, но выдается кем-то за реально существующего, есть симулякр. Выдуманный персонаж с выдуманной биографией, выдаваемый за подлинную фигуру, как, например, «товарищ Огилви» из романа Джорджа Оруэлла (George Orwell) «1984», есть симулякр. Что же касается роли системных инверсий в выявлении самого симулякра как формы отношений, то круг, что называется, замкнулся: симулякр как понятие был обособлен благодаря действию системной инверсии, но в то же время отсутствие восприятия инверсий применительно к системному объекту порождает симулякр этой системы.

Заключение

В заключение следует сказать несколько слов о природе самого симулякра. Изначально, как уже говорилось ранее, это понятие связывалось с понятием знака. Однако симулякр не тождествен знаку. Знак, лишившийся своего означающего, превращается в чистую бессмыслицу, в ничто, поскольку, как уже говорилось, суверенным бытием он изначально не обладает. Так, например, каждая буква в алфавите обозначает некоторый звук (или модификацию звука); однако графическое изображение, внешне напоминающее букву, при том что эта «буква» не обозначает никакого звука и вообще ничего, не имеет ни малейшего смысла. Симулякр, напротив, обладает суверенным бытием. Дело не только в том, что он реальности не соответствует, но и в том, что он ей подражает, что он воспроизводит модель реальности, которая, не будучи подлинной, может быть принята за такую. Он создает ложную картину, но поскольку субъект, в чьем сознании этот симулякр фигурирует, ложность этой картины может и не осознавать, симулякр обладает всей полнотой влияния на его поведение. Именно поэтому обособление данного понятия само по себе и может считаться осмысленным и необходимым.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 496 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А.А. Качалов. – М.: Постум, 2018. – 320 с.

3. *Грачев Г.В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. – М.: РАГС, 1998. – 125 с.
4. *Левин-Стросс К.* Первобытное мышление / пер. с фр. А. Островского. – М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. – 392 с.
5. *Ленски Г.* Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса / пер. с англ. А.Н. Болтавина // Социологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 126–140.
6. *Максименко А.А.* Модель Вселенной как симулякр // Вестник Омского университета. – 2003. – № 2. – С. 41–44.
7. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 82 с.
8. *Новиков Д.А., Смирнов И.М., Шохина Т.Е.* Механизмы управления динамическими активными системами. – М.: ИПУ РАН, 2002. – 124 с.
9. *Пулю Ю.В., Романенко И.Б., Султанов К.В.* Манипулятивные воздействия и образовательные технологии: формирование дискуссионно-диалоговой культуры студентов // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 132–137.
10. *Севостьянов Д.А.* Противоречие и инверсия. – Новосибирск: Золотой колос, 2015. – 245 с.
11. *The Linguistic turn: essays in philosophical method / ed. by R.M. Rorty.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. – 407 p.

Статья поступила в редакцию 04.04.2021.

Статья прошла рецензирование 01.06.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-68-81

SYSTEM'S SIMULACRUM AND SYSTEM INVERSIONS

Sevostyanov, Dmitry,*Dr of Sc. (Philosophy),**Associate Professor at the Department of Personnel Policy and Personnel Management,**Novosibirsk State Agrarian University,**160 Dobrolyubova Street, Novosibirsk, 630039, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Abstract

The article deals with one of the particular applications of the concept of “simulacrum”. The article also shows under which circumstances there was a need to use the concept of “simulacrum”. In this case, the simulacrum is presented as a form of simplified and distorted perception of system objects. The main form of a system organization is a hierarchy. Hierarchical systems have the property of forming inverse relationships. Inversion occurs when a subordinate element of the hierarchy acquires dominant properties in it, but does not move to a higher position. This relationship is possible because there are several organizational principles in the system, and these principles collide with each other. A distorted perception of hierarchical systems occurs when inverse relationships are ignored. As a result, an image of the system is formed that is distant from reality (simulacrum). Over time, this image becomes less realistic, as changes occur in the real system caused by the development of inversions. Inversions are the cause of intra-system dynamics; they can lead a system object to decay and destruction. They also, under certain circumstances, contribute to the self-development of the system. However, if we consider only the simulacrum of this system, this ability to self-destruct remains unnoticed. The system's ability to develop itself remains unrecognized. This concept has become relevant as a result of inversion in the hierarchical system of human activity. The subordinate level of activity that is responsible for subject actions comes to the fore because of the increasingly technical aspects of human activity. The highest, symbolic level of activity moves to a subordinate position. The activity level responsible for subject actions also operates with signs and is responsible for using language as a sign system. Hence, there comes the need for the concept of “simulacrum”, which is “the signifier without the signified”.

Keywords: system, hierarchy, inversion, simulacrum, sign, symbol.

Bibliographic description for citation:

Sevostyanov D. System's Simulacrum and System Inversions. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 68–81. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-68-81.

References

1. Bernshtein N.A. *Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow, Nauka Publ., 1990.
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981. 108 p. (Russ. ed.: Bodriy Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow, Postum Publ., 2018. 245 p.).
3. Grachev G.V. *Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psikhologicheskoi zashchity* [Information and psychological security of the individual: the state and possibilities of psychological protection]. Moscow, RAGS Publ., 1998. 125 p.
4. Levi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 1999. 392 p. (In Russian).
5. Lenski G. Statusnaya kristallizatsiya: nevertikal'noe izmerenie sotsial'nogo statusa [Status crystallization: a non-vertical measurement of social status]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2003, no. 4, pp. 126–140. (In Russian).
6. Maksimenko L.A. Model' Vselennoi kak simulyakr [Model of the Universe as a simulacrum]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2003, no. 2, pp. 41–44.
7. Mamardashvili M.K. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1982. 82 p. (In Russian).
8. Novikov D.A., Smirnov I.M., Shokhina T.E. *Mekhanizmy upravleniya dinamicheskimi aktivnymi sistemami* [Mechanisms of control of dynamic active systems]. Moscow, IPU RAN Publ., 2002. 124 p.
9. Puyu Yu.V., Romanenko I.B., Sultanov K.V. Manipulyativnye vozdeistviya i obrazovatel'nye tekhnologii: formirovanie diskussionno-dialogovoi kul'tury studentov [Manipulative influences and educational technologies: formation of students' discussion and dialogue culture]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society. Environment. Development*, 2015, no. 4, pp. 132–137.
10. Sevost'yanov D.A. *Protivorechie i inversiya* [Contradiction and inversion]. Novosibirsk, Zolotoi kolos Publ., 2015. 245 p.
11. Rorty R.M., ed. *The Linguistic turn: essays in philosophical method*. Chicago, University of Chicago Press, 1992. 407 p.

The article was received on 04.04.2021.

The article was reviewed on 01.06.2021.